

К. В. Шевченко

Канун Первой мировой войны в чешском общественном мнении и прессе

Первая мировая война явилась роковым конечным пунктом «длинного» XIX в., который начался Великой французской революцией 1789 г. и «подошел к концу в 1914 г. под радостные крики европейцев, которые слишком долго жили в мире¹. Однако в этом стройном хоре, в патриотическом порыве, приветствовавшем начало войны, чешский голос был одним из самых слабых, робких и неуверенных.

В Европе войну ждали и деятельно к ней готовились, но вспыхнула она внезапно, поскольку «масштабные события, которых долго ждут, имеют свойство приходить неожиданно»². Из всех европейских народов чехи, пожалуй, больше и дольше всего отказывались верить в неизбежность мировой войны, до последнего пребывая в заблуждении, что последствия убийства в Сараево ограничатся лишь локальным конфликтом и не перерастут в общеевропейскую бойню. Стечение обстоятельств, однако, формально сделало чехов непосредственно причастными к началу Первой мировой войны: за рулем автомобиля, в котором эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга отправились в свою последнюю поездку по Сараево, сидел военнослужащий австро-венгерской армии чех Леопольд Лойка. Вплоть до своей смерти в 1926 г. уже в независимой Чехословакии Лойка испытывал постоянные душевные муки, самокритично считая себя главным виновником войны, поскольку у Латинского моста в Сараево 28 июня 1914 г. он повернул автомобиль с наследником престола на роковую улицу Франца Иосифа вместо того, чтобы, согласно новой инструкции, продолжать движение прямо по набережной³. Душевные мучения чешского шофера эрцгерцога не могло успокоить и то принципиально важное обстоятельство, что его не проинформировали вовремя о приказе губернатора Боснии

Шевченко Кирилл Владимирович,
доктор
исторических наук,
заведующий
Центром евразийских
исследований
Филиала Российского
государственного
социального
университета
(Минск, Беларусь)

и Герцеговины генерала О. Потioreка изменить маршрут передвижения наследника престола по Сараево⁴.

Политика Австро-Венгрии на Балканах, положение в Боснии и Герцеговине и особенно убийство наследника престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги в Сараево привлекали колоссальное внимание чешской общественности и прессы. Интерес к данным сюжетам усиливался тем фактом, что чехи активно присутствовали в Боснии и Герцеговине после ее оккупации Австро-Венгрией в качестве австрийских чиновников, архитекторов, врачей, учителей и предпринимателей. По переписи 1910 г. в Боснии проживало 7095 чехов, из них 1702 в Сараево⁵.

В новый 1914 г. чешская общественность вступала с тревогой и дурными предчувствиями. Чешские политики и публицисты крайне скептически оценивали прошедший 1913 г., не находя в нем никаких предпосылок для позитивных сдвигов в будущем. «Нет даже искры надежды на то, что над нашими расчетами забрезжит свет. Империя пребывает в финансовом расстройстве; она измучена межнациональными спорами и не пользуется уважением соседей... Волна политической никчемности захлестнула чешскую жизнь...», — такую мрачную картину рисовал либеральный пражский «Час», выражая взгляды чешской интеллигенции, близкой к будущему президенту Чехословакии Т. Г. Масарику и партии реалистов⁶. Весьма нелестную оценку у чешских публицистов получила и международная политика Австро-Венгрии, которая, по мнению чехов, многое потеряла в результате последних событий на Балканах. «Из всех европейских государств Австрия больше всех пострадала от балканской войны, — утверждал «Час». — Единственным успехом — но успехом сомнительным — является Албания, независимое государство скипетаров, основанное искусственно на выдавливании сербов из Адриатики. В целом же балканская политика Австрии испытала такие удары, что разговоры об их катастрофических последствиях для монархии были справедливы»⁷.

Несмотря на периодическую критику и колкости в адрес Австро-Венгрии, чехи были достаточно лояльными подданными империи Габсбургов. Дилемма между чешскими национальными чувствами и служением габсбургской династии зачастую решалась чешским чиновничеством по формуле одного из героев Я. Гашека: «Останемся чехами, но никто не должен об этом знать...». До Первой мировой войны «все влиятельные политические силы в Чехии рассматривали Австро-Венгрию как весьма удобное государственное образование для достижения своих политических, социально-экономических и культурных целей... Как финансово-промышленные круги, так и социал-демократы... считали Австро-Венгрию экономически жизнеспособным и выгодным государственным образованием, в рамках которого было возможно достижение прогресса»⁸. Именно поэтому большинству чехов была чужда мысль о возможности краха Австро-Венгрии. Радикализм чешских политиков отличался строго дозированной «умеренностью и аккуратностью», ограничиваясь лишь планами де-

мократизации и федерализации дунайской монархии. Так, 13 июля 1914 г. чешская пресса в качестве курьеза упомянула опубликованное одной сербской газетой предсказание о гибели австро-венгерской империи в 1917 г.⁹ Между тем показавшееся тогда чехам фантастическим пророчество ошиблось лишь на один год.

Мрачные предчувствия чешских публицистов, ожидавших «катастрофических последствий» австрийской политики на Балканах, оправдались очень быстро. 29 июня 1914 г. чешские газеты поместили на первых страницах большое траурное объявление в черной рамке, извещавшее читателей об убийстве 28 июня 1914 г. в Сараево наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги. Газеты подробно информировали об обстоятельствах гибели эрцгерцога и его жены, которые, уцелев при взрыве бомбы, брошенной Неделько Чабриновичем и ранившей 20 человек из окружения эрцгерцога, вопреки предостережениям, продолжили поездку и вскоре стали жертвами пуль Гаврило Принципа. «Когда автомобиль поворачивал на проспект Франца Иосифа, раздались два выстрела. Первой жертвой стала пани эрцгерцогиня, опустившаяся на колени своему мужу... Пану эрцгерцогу пуля прострелила шейную артерию. Смерть наступила почти мгновенно. Все произошло молниеносно, — сообщал 29 июня 1914 г. пражский “Час” в заметке “Подробности преступления”. — Поскольку в месте нападения улица очень узкая, нападавший мог стрелять с очень близкого расстояния. Несколько дам обратили внимание на подозрительную внешность Принципа, стоявшего на углу улицы, засунув руку в карман»¹⁰.

Известия о покушении в Сараево стали поступать в Прагу уже к 14:00 в воскресенье 28 июня. Из редакций местных газет новость «с молниеносной быстротой распространялась по всей Праге, вызывая крайнее смятение... Все были ошеломлены. Люди в страхе метались с места на место, пытаясь узнать подробности. Особенно оживленно было после 6 вечера на Вацлавской площади. На всех государственных учреждениях и на многих частных домах были вывешены черные флаги»¹¹. Все пражские театры, включая Национальный театр и театр «На Виноградах», отменили свои представления; запланированные в Праге международные соревнования по гребле были также отменены. Староста Праги доктор Карел Грош немедленно отправил в Вену телеграмму с соболезнованиями. «Все жители столицы королевства — города Праги и весь чешский народ, — говорилось в телеграмме, — потрясены печальным известием о страшном несчастье, постигшем сегодня Его Величество нашего милостивейшего императора и короля и всю правящую династию»¹². Бравый солдат Швейк, выяснявший у своей квартирной хозяйки пани Мюллеровой, какого именно Фердинанда убили, в тогдашней Праге был, скорее, исключением. Оригинальным было и объяснение Швейком причин сараевского покушения. Своих собеседников в пражской пивной «У чаши» Швейк убеждал в том, что за убийством эрцгерцога стоят козни турок, недовольных аннексией Боснии в 1908 г. Однако ни собеседник Швейка в кабачке «У чаши» тайный агент полиции Бретшнейдер, ни австрийские газеты не разделяли взглядов храброго солдата.

Причины трагедии в Сараево с самого начала привлекали особое внимание чешской прессы. Анализируя предысторию убийства эрцгерцога, чехи подчеркивали, что наследник престола был заранее предупрежден об опасности поездки в Боснию сербским посланником в Австрии Йовановичем, который, «прибыв на прошлой неделе из Белграда, посетил министерство иностранных дел, сообщил, что у сербского правительства имеются сведения об интригах в Сараево. По этой причине сербское правительство рекомендует воздержаться от поездки наследника в Боснию. Эрцгерцогу была сообщена эта информация, но он настоял на поездке»¹³. Вину за гибель наследника престола чешские публицисты в значительной степени возлагали на балканскую политику Вены. «Смерть наследника относится к балканскому вопросу. наших собственных политиков... нельзя освободить от вины за происшедшее... — утверждал “Час”. — Мы не можем не остановиться в этой связи на положении в югославянских землях... Иностранцы, писавшие об австро-венгерских условиях, ужасались абсолютистскому слепому произволу, в условиях которого была отменена конституция, подавлен сейм, нарушен закон..., депутаты стонали в тюремных застенках, а свобода слова и собраний была задушена. Сегодня, 28 июня, вероятно, весь мир видит, что означал загребский процесс, в ходе которого было возведено 54 виселицы для сербо-хорватских государственных изменников... Полицейское правление в Боснии и Герцеговине... слепо, глухо и безмозгло. Трудно было найти более неудачное время для отправки наследника на юг»¹⁴.

Особое негодование чешской общественности вызывала личность генерала О. Потioreка, главы земельного правительства и начальника военной администрации Боснии. Имя Потioreка, по мнению чешских журналистов, будет всегда вспоминаться в связи с событиями в Сараево, вызывающими изумление как самим фактом преступления, так и халатным поведением властей. «С одной стороны, Чабринович и Принцип со своим покушением; с другой стороны, генерал Потioreк со своим легкомыслием и опрометчивостью, — писал “Час” 7 июля 1914 г. — Убийство было бы невозможно, если бы были предприняты все необходимые меры... Генерал Потioreк несет главную ответственность за катастрофу 28 июня не только как глава земельного правительства, но и как начальник военной администрации Боснии и Герцеговины»¹⁵.

Личность эрцгерцога Франца Фердинанда чешские публицисты характеризовали довольно осторожно. По их мнению, главная забота наследника престола состояла в наращивании военной мощи империи; при этом его основные принципы заключались в консерватизме, католицизме и великоавстрийской идее. Весьма сочувственно о погибшем наследнике престола высказался общественно-политический еженедельник партии младочехов «Ческе ревью», которому импонировало критическое отношение Франца Фердинанда к австро-венгерскому дуализму и к положению в Венгрии. «Покойный наследник... стремился к внутренней консолидации государства и поэтому ненавидел дуализм, — утверждало «Ческе ревью». — Было известно, что наследник неодобительно относится к азиатским

методам правления в Венгрии, что ослабляет империю и вызывает к ней ненависть особенно на Балканах... Окружение наследника даже поговаривало о триализме, о создании югославянской области на юге империи, что, впрочем, осталось лишь эпизодом, с которым покончила вторая балканская война»¹⁶.

На отношение чехов к личности Франца Фердинанда накладывало сильный отпечаток обстоятельство, что эрцгерцог был женат на представительнице чешского аристократического рода Хотек, и что его резиденцией был известный замок Конопште к югу от Праги. В сожалении чехов в связи с гибелью Франца Фердинанда угадывались явные нотки разочарования по поводу нереализованных ими выгод, которые можно было бы извлечь из близости наследника престола к Чехии. «Чешский народ связывают с покойным эрцгерцогом особые воспоминания, — писало “Ческе ревью”. — Его любимая резиденция находилась в центре чешских земель. Его любовь к памятникам старины и искусства выразилась в поддержке стремлений сохранить ценные памятники чешского прошлого... Постоянное нахождение наследника в Чехии рождало предположения о его привязанности к чешскому королевству и поддержке его исторических прав... Сейчас остается лишь сожаление над загубленной жизнью, глубокое сочувствие к государю и детям наследника и осуждение совершенного преступления»¹⁷.

Касаясь отношения эрцгерцога к России, чешская пресса констатировала, что его взгляды «по-видимому, не всегда совпадали с официальной политикой. По крайней мере, всегда утверждалось, что он является другом России, желает договора с Россией и стремится возобновить союз трех императоров, австрийского, российского и германского. В целом это соответствовало его характеру: он испытывал явные симпатии к царизму и абсолютизму...»¹⁸ Впрочем, сообщая о реакции на убийство Франца Фердинанда в России, чехи отмечали, что российская пресса не относилась эрцгерцога к числу симпатизирующих России. Скорее, эрцгерцог Франц Фердинанд был реалистом, отдавая себе отчет в крайне неблагоприятных последствиях для Австро-Венгрии в случае ее военного конфликта с Россией. В 1913 г., критикуя идею генерала Конрада фон Гётцендорфа о целесообразности превентивной войны Австрии против Италии и Сербии, наследник престола пронизательно заметил, что война с Сербией повлечет войну с Россией, которая, по его словам, станет «нашим концом», способствуя «свержению с трона как австрийского императора, так и русского царя»¹⁹.

В первые дни после убийства в Сараево основное внимание чешской прессы было приковано к многочисленным деталям, имевшим непосредственное отношение к покушению. Анализ внешнеполитических последствий в широкой общеевропейской перспективе был редким и весьма поверхностным. Одним из немногих чешских политиков, которому удалось предугадать трагический масштаб международных последствий сараевского убийства, был лидер младочехов К. Крамарж. «Мы предсказывали, что из сербского конфликта разовьется

конфликт европейский; что из проблемы убийства, которое каждый осуждает, и из вопроса о наказании может возникнуть вопрос равновесия в Европе, который призовет к оружию весь мир...», — констатировал Крамарж 4 августа 1914 г., когда маховик Первой мировой войны раскручивался все сильнее²⁰.

Хотя после событий в Сараево общественность быстро успокоилась, «за дипломатическими кулисами между Берлином и Веной велась оживленная подготовка к решающей акции»²¹; внимание же чешской общественности было сосредоточено на текущих событиях.

Убийство в Сараево распалило огонь традиционной полемики венских и пражских газет по поводу ситуации на Балканах и австрийской политики в Боснии. В условиях разгоравшейся антисербской истерии в Австро-Венгрии чешская пресса выступала в роли адвоката Сербии и сербского населения Боснии и Герцеговины. «Сараевское покушение вновь оживило пугало великосербской пропаганды. Венские газеты вновь повторяют фантастические сообщения и слухи, — констатировал “Час”, полемизируя с венской прессой. — При этом они самым грубым образом злоупотребляют патриотическими чувствами населения империи, танцую циничный канкан над огромным династическим и человеческим горем... Пока что мы констатируем пустоту в сведениях о нападавших и задаем вопрос: возможно ли на основе собранного материала... сделать вывод о том, что преступление Чабриновича и Принципа является делом рук Сербии, как намекают сараевский староста и сараевская полиция и что категорически утверждают венские газеты? Трагедия сараевская слишком печальное и слишком серьезное событие для того, чтобы извлекать из него политический капитал и подозревать другие государства без достаточных на то оснований»²².

Бурю негодования в чешской прессе вызвали антисербские выступления хорватов и мусульман, прокатившиеся по Боснии и Герцеговине в первые дни после убийства в Сараево при демонстративном попустительстве австро-венгерских властей. «В Сараево, Мостаре и других городах... прокатились погромы сербского населения. Около сотни сербских лавок и магазинов было разграблено фанатичным хорватско-мусульманским сбродом; здания сербских обществ и школ были разрушены; нападению подверглось и жилище сербского митрополита, — сообщал корреспондент “Часа” 1 июля 1914 г. — Поступают сведения об антисербской резне, о раненых и убитых... Мы не понимаем, как могли вспыхнуть антисербские насилия... После покушения на улицах Сараево находились войска и должны были быть предприняты необходимые меры безопасности... Сербское население Боснии и Герцеговины, искренне преданное династии Габсбургов, не виновато в том, что в его среде нашлись преступники... Многим хотелось бы, чтобы сербы были исключены из позитивного политического процесса, но если сербский народ, составляющий большинство населения Боснии, будет загнан в лагерь врагов империи, пострадают интересы монархии...»²³.

Об антисербских погромах, вспыхнувших в Боснии на следующий день после убийства эрцгерцога, чехи отзывались как о явлении не менее ужасном, чем события 28 июня.

«Тысячи мирных сербских граждан стали жертвами преступлений мусульманско- хорватского сброда... Если боснийская администрация считает, что можно терпеть преступления, совершаемые из патриотических соображений, то это превратное толкование права», — заключал «Час»²⁴. Возмущение чехов вызвало то, что волна антисербских насилий прокатилась в Боснии при генерале Потioreке, который был оставлен в должности главы администрации Боснии и Герцеговины после сараевского убийства. Пристальное внимание чешской прессы к положению в Боснии сталкивалось с жесткими ограничениями, затруднявшими получение информации. «Сообщения из Боснии подвергаются строгой цензуре, что объясняет почти полное неведение о нынешнем состоянии в Боснии, прежде всего о безопасности сербского населения. Единственной сербской газетой, продолжающей выходить после разгрома сербской типографии в Сараево, является «Истина», орган проправительственной партии Димовича, — сообщалось в заметке под красноречивым заголовком «Из пашалыка Потioreка». — Информация этой газеты свидетельствует о том, что даже после введения военного положения не прекратились грабежи и анархия..., показывающие истинное лицо военно-политического режима генерала Потioreка»²⁵.

Впрочем, младочешский общественно-политический журнал «Ческе ревью», крайне обеспокоенный перспективой ухудшения ситуации в Австро-Венгрии и на Балканах в результате сараевского убийства, демонстрировал более критическое отношение к сербам. «Сейчас нужно считаться с новым обострением югославянской проблемы. В первых рядах сербского народа... оказались невменяемые фанатики, которые еще более углубили пропасть между монархией и Сербией, — утверждало «Ческе ревью». — Они не только положили конец той тенденции по отношению к Венгрии, которая могла пойти на пользу, но и нанесли вред собственному народу своим безумным поступком, посеяв ненависть там, где требовались компромисс и примирение»²⁶.

Заметный резонанс в чешской прессе вызвала смерть русского посланника в Сербии Н. Гартвига, умершего в Белграде 11 июля 1914 г. во время беседы с австро-венгерским посланником Гизлом. По мнению чехов, считавших Гартвига «одним из самых способных русских дипломатов», смерть посланника России в Сербии явилась «большой и горестной утратой не только для России, но и для Сербии и, вероятно, для Славянства в целом. Гартвиг был одним из основателей балканского союза; он определял балканскую политику России... Сербы уважали его не только как сторонника своих усилий, но и как опытного советника... Он хотел видеть сплоченные Балканы и поэтому не мог одобрять австрийский лозунг «разделяй и властвуй»»²⁷.

«Час» постоянно и основательно информировал чешскую аудиторию о реакции сербской общественности и прессы на происходящие события. «Сербские газеты отстаивают ту точку зрения, что Австро-Венгрия не имеет никаких правовых оснований требовать чего-либо в связи с сараевским убийством, — писал «Час» 13 июля 1914 г. — Вмешательство

во внутренние дела Сербии никто в Сербии не одобрит и не допустит»²⁸. 19 июля 1914 г., незадолго до предъявления австрийского ультиматума Сербии, чехи сообщали о том, что сербская пресса публикует статьи с острой критикой австро-венгерского посланника Гизла. По сообщению чешской прессы, сербский «Мали журнал» опубликовал информацию о том, что «Принципа склонял к покушению некий австро-венгерский агент. В Вене будто бы ходят разговоры о том, что истинного виновника происшедшего можно отыскать только в австро-венгерском посольстве в Белграде»²⁹.

В своей полемике с венскими и будапештскими изданиями чешские газеты нередко давали слово представителям Сербии. Незадолго до австрийского ультиматума Белграду «Час» предоставил свои страницы министру внутренних дел Сербии Стояну Протичу, который под псевдонимом «Сербикус» выступил с резкой критикой наиболее расхожих обвинений в адрес Сербии со стороны австро-венгерской прессы. Комментируя обвинения сербов в великосербской пропаганде, что было одной из излюбленных тем венских газет, Протич указывал на распространенность ирредентистских идей в самой Австрии, которые «сами по себе не являются преступлением. ...В собственном рейхсрате Австрия спокойно внимала речам пангерманистов, которые были полны открытого и дерзкого желания отделиться от Австрии и присоединиться к Германии. Выступления пангерманистов, — иронично замечал Протич, — содержат в себе все признаки оскорбления Его Величества, но, тем не менее, они были оставлены без наказания... Венская и будапештская пресса говорит только о великосербстве, подчеркивая его опасность для Австро-Венгрии. При этом она ни слова не упоминает о великоавстрийских идеях... На Берлинском конгрессе Австро-Венгрии с помощью Бисмарка удалось реализовать предложение Радецкого — получить в управление Боснию и Герцеговину, которые вопреки международным договоренностям были аннексированы в 1908 году. Что же это: великосербская или великоавстрийская идея? — задавал риторический вопрос сербский министр внутренних дел Протич и заключал. — ...Великосербство обороняется и защищается; великоавстрийство нападает и стремится проникнуть еще дальше... Мы стремимся защитить свой народ, в то время как Вена и Будапешт вынашивают имперские планы, возводят искусственные противовесы Сербии и стремятся завладеть тем, что им не принадлежит»³⁰. Касаясь сараевского убийства и обвинений Сербии в причастности к организации покушения, Протич изложил всю историю покушений на высокопоставленных чинов Австро-Венгрии, включая несколько неудачных попыток убийства императора Франца-Иосифа. Суммируя сказанное, Протич не без иронии заключал, что «рекорд в покушениях принадлежит самой Австро-Венгрии... Приведенные факты указывают, что сараевское покушение имеет местные корни, не являясь импортированным из-за рубежа, в чем стараются убедить мир венские и будапештские газеты... Дабы скрыть местные корни сараевского убийства — а именно этого, судя по всему, больше всего добиваются наши соседи в Вене и Будапеште — вину должна нести Сербия»³¹.

Слова сербского министра внутренних дел оказались пророческими. На следующий день, 23 июля 1914 г., в 6 часов посол Австро-Венгрии вручил в Белграде австро-венгерский ультиматум Сербии, содержащий унижительные и заведомо невыполнимые условия. Несколько успокоившаяся после сараевского убийства чешская общественность восприняла ультиматум с явной растерянностью; было заметно общее стремление чехов минимизировать значение этого документа и убедить самих себя в том, что его предъявление еще не означает войну. «Положение, в котором оказалась наша империя, проявилось уже вчера в массовой конфискации всех сообщений независимой прессы о готовящейся австрийской акции в Белграде. Наступают часы исторического значения для судеб народов, — с тревогой писал “Час” 24 июля 1914 г. — Ультиматум не означает войну; он означает проявление силы, опирающейся на мощь оружия. Ультиматум призван принудить Сербию дать Австро-Венгрии полную сатисфакцию не только за Сараево, но и за все остальные события со времени аннексии»³². Далее следовал добросовестный и подробный пересказ венских газет, главной темой которых были военные приготовления Сербии, тайная мобилизация сербской армии и переброска сербских войск к границе, что отражало возросшую жесткость австрийской цензуры.

Чехам не хотелось верить в реальность скорой войны. Сообщения, ставившие под сомнение ее неизбежность, были особенно востребованы. Так, в заметке об оптимистической реакции русской дипломатии говорилось о том, что «дипломатические круги России считают все циркулирующие по Вене тревожные сообщения крайне преувеличенными и оценивают ситуацию спокойно. Самое убедительное доказательство оптимизма русской дипломатии — то обстоятельство, что русский посол в Вене Шебеко в ближайшее время уйдет в десятидневный отпуск»³³. Однако уже на следующий день тон чешской прессы становится намного тревожнее. 25 июля 1914 г. титульные страницы газет пестрели заголовками: «Объявление войны?», «Разрыв дипломатических отношений с Сербией подготовлен», «Переполох и совещания в Петрограде» и пр. Ссылаясь на венскую «Нойе Фрайе Прессе», «Час» сообщал о готовности австро-венгерского правительства официально объявить войну Сербии в том случае, если Белград нарушит сроки ультиматума или отвергнет австрийские требования. «В дипломатических кругах полагают, что война неизбежна, — говорилось в заметке о ситуации в Белграде. — Утверждается, что сербское правительство вообще не даст никакого ответа на ультиматум. Существует мнение, что при наступлении на Белград австрийская армия не встретит какого-либо сопротивления. Сербское правительство рассчитывает на вмешательство великих держав после занятия Белграда австрийскими войсками»³⁴.

«Нота Австрии Сербии вызвала здесь большую тревогу, — сообщал теперь «Час» о реакции в России. — Дипломаты прерывают отпуска и возвращаются в Петроград. Первое впечатление состояло в том, что война неизбежна. В петроградских кругах осознают, что дальнейшее развитие событий зависит только от России... Сербский посланник Спалайкович

несколько раз встречался с министром иностранных дел Сазоновым. “Новое время” опубликовало острую антиавстрийскую и просербскую статью³⁵. Чешская пресса уделила большое внимание состоявшемуся в это время визиту президента Франции Пуанкаре в Россию. Особое внимание чехов привлекла встреча Николая II и Пуанкаре на банкете, состоявшемся на борту крейсера «Франция». Российский император и французский президент обменялись тостами, во время которых Николай II говорил о братстве русских и французских войск, а Пуанкаре подчеркнул, что общий идеал Франции и России — мир, опирающийся на силу, честь и достоинство³⁶.

Между тем отношения Вены и Белграда продолжали ухудшаться. 25 июля глава сербского правительства Н. Пашич посетил посольство Австро-Венгрии в Белграде и передал ответ Сербии на австро-венгерский ультиматум. Австрийская сторона сочла сербский ответ недостаточным. Посол Австро-Венгрии в Сербии барон Гизль объявил Пашичу о разрыве дипломатических отношений и «вместе с сотрудниками посольства покинул Белград в 18:30. Еще ранее, в 3 часа дня, сербское правительство объявило мобилизацию»³⁷.

За день до официального объявления войны тон прессы стал еще тревожнее. Ссылаясь на частные источники, «Час» сообщал о перестрелке у г. Смедерево, где, по утверждениям чехов, сербы обстреляли австрийский корабль; в ходе инцидента жертв не было. Описывая положение в Сербии, чешские газеты отмечали активные военные приготовления и высокий боевой дух сербских войск и населения. «Улицы заполнены призывниками, спешащими к своим полкам. Все сербские железные дороги отданы в распоряжение военных властей... Воодушевление армии неопишимо, — делился впечатлениями чешский корреспондент. — Только жители Белграда, ожидая скорого занятия города австрийской армией, ожидают развития событий с опасениями...»³⁸

28 июля 1914 г., спустя ровно месяц после убийства в Сараево, Австро-Венгрия официально объявила войну Сербии. «Поскольку сербское королевское правительство не предоставило удовлетворительный ответ на ноту от 23 июля 1914 г., — говорилось в документе, направленном правительству Сербии министром иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольдом, — императорское и королевское правительство вынуждено само позаботиться о защите своих прав и интересов и с этой целью обратиться к мощи оружия. С данного момента Австро-Венгрия находится в состоянии войны с Сербией»³⁹. В специальных выпусках газет был опубликован манифест императора Франца Иосифа «Моим народам». «Надежды на то, что сербское королевство оценит снисходительность и миролюбие моего правительства, не оправдались, — говорилось в манифесте австро-венгерского императора. — Пламя ненависти против Меня и Моей династии поднимается все выше; стремление насильственно отторгнуть от Австро-Венгрии неотделимые от нее территории проявляется все более открыто... Сербия отвергла умеренные и справедливые требования моего правительства... Поэтому я принужден прибегнуть к силе оружия, дабы добиться

необходимых гарантий внутреннего спокойствия и внешнего мира... Я полагаюсь на Свои народы, которые всегда во всех невзгодах объединялись вокруг Моего престола в верности и единстве»⁴⁰.

С предъявлением ультиматума Сербии и особенно с объявлением войны тон чешской прессы становится более сдержанным; количество критических материалов на текущие темы снижается, уступая место официальным материалам. «О событиях, в эпицентре которых мы внезапно оказались, мы имеем возможность писать только в качестве хрониста, лишь фиксируя происходящее, — признавал чешский журналист, как бы оправдываясь перед читателями. — Война глубоко вторглась во все сферы общественной и частной жизни, изменив обычные условия работы прессы. Предварительная цензура, ограничение информационных услуг... меняют характер журналистской работы...»⁴¹ О жесткости и эффективности работы австрийской цензуры свидетельствовали периодически появлявшиеся на страницах чешских газет «белые полосы» и пустые колонки; время от времени цензура конфисковывала целые номера чешских печатных изданий.

Реакция чешской прессы на объявление войны во многом отражала поведение чешского населения. На следующий день после начала войны, 29 июля 1914 г., руководство пражской полиции в донесении о реакции жителей Праги на манифест императора об объявлении войны сообщало, что «настроение населения характеризуется полным спокойствием; каких-либо антипатриотических выступлений нигде до сих пор зарегистрировано не было. Под впечатлением многочисленных призывников, отправляющихся на службу, у всего остального населения возникает определенная депрессия... В данный момент неимущая часть общества в большей степени озабочена текущими жизненными проблемами, опасаясь возникновения дефицита важнейших товаров и резкого скачка цен»⁴².

Международные последствия начавшейся сербо-австрийской войны были предметом особого внимания чешской прессы, стремившейся убедить общественность в возможности локализации конфликта. На второй день после объявления войны «Час» писал: «В суматохе последних дней европейская политика представляла собой хаос... Сегодня... в политике великих держав стала проявляться определенность... Англия выступает за локализацию конфликта. Ее позиция имеет решающее влияние на Францию, которая не будет нарушать совместные действия Антанты... Россия сохранит сдержанность, если речь не будет идти о ее жизненных интересах... Таким образом, — оптимистично заключал «Час», — война Австрии с Сербией необязательно достигнет европейского масштаба... Война с Сербией не должна стать международной катастрофой»⁴³. Для подтверждения своих мыслей чешские журналисты обращались к российской прессе: «“Речь” и даже “Новое время” полагают, что существует возможность воспрепятствовать европейской войне. “День” поделился информацией из министерства иностранных дел о том, что объявление войны Сербии не исключает возможность дальнейших переговоров»⁴⁴.

Однако оптимистичные предсказания не оправдались. Уже в ближайшие дни события стали развиваться по совершенно иному, гораздо более трагическому сценарию. Объявленная Россией мобилизация и последовавшее за этим резкое обострение российско-германских отношений широко освещалось чешской прессой. Сообщая об обмене телеграммами между германским императором Вильгельмом II и российским императором Николаем II, «Час» обращал внимание читателей на последнюю телеграмму Вильгельма Николаю, в которой германский император утверждал, что «мир в Европе еще может быть сохранен в случае, если Россия прекратит угрожать Германии и Австро-Венгрии»⁴⁵. Пражские газеты информировали о том, что 1 августа 1914 г. в центре Берлина на Унтер ден Линден состоялось массовое шествие к дворцу имперского канцлера, участники которого распевали патриотические песни. Канцлер, приветствуя собравшихся, заявил, что «если нас вынудят взять в руки меч, то мы отправимся на битву с чистой совестью... Мы будем сражаться за свое существование и за свою честь до последней капли крови»⁴⁶.

1 августа 1914 г. Германия объявила войну России. Эскалацию российско-германского конфликта чехи освещали только на основе германских информационных источников, выставлявших российскую сторону виновницей конфликта. «Когда стало известно о русской мобилизации, немецкий посол в Петрограде получил указание призвать русское правительство прекратить мобилизацию... — писал “Час” 3 августа 1914 г., цитируя сообщение берлинского информационного агентства Вольфа. — По сообщению графа Пурталеса, этот приказ был выполнен им в полночь с 31 июля на 1 августа. Сообщение посла об ответе русского правительства... не поступало. Однако этой ночью к 4 часам утра Генштаб получил следующую информацию: сегодня ночью последовала атака со стороны русских патрулей, которая была отражена. Потери немецкой стороны составили двое легкораненых. Потери русских неизвестны. Таким образом, — цитировал “Час” немецкое информационное агентство, — Россия напала на территорию Германии и начала войну»⁴⁷.

Начало войны между Россией и Германией означало, что надежды чехов на локализацию конфликта потерпели крах. Случилось именно то, чего опасались чешские политики: война между Австро-Венгрией и Сербией неумолимо и молниеносно переросла в мировую войну, одним из последствий которой должен был стать распад Австро-Венгрии и образование независимой Чехословакии. Однако предсказать подобный итог в то время чешские политики были не в состоянии. До окончания Первой мировой войны оставалось более четырех лет, наполненных кровью, страданиями и миллионами жертв. В условиях нараставшего военного психоза и подозрительности, охвативших чешские земли, достойно прозвучал голос лидера младочехов К. Крамаржа: «Наступил исторический момент, которого так боялись и ожидали... Европа бросит все, что есть у нее молодого и здорового, на поля сражений, и настанут ужасы, о которых грезили только авторы военно-фантастических романов... Сейчас ничего не остается, как мужественно и бесстрашно смотреть навстречу будущему...

Наше будущее заключается в нас самих! Если мы себя не погубим, никто нас не уничтожит!»⁴⁸ Впрочем, автором наиболее точного прогноза развития ситуации в Европе в случае войны был убитый в Сараево наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Незадолго до своей роковой поездки в Сараево эрцгерцог пророчески заметил, что «война между Австрией и Россией закончится либо свержением династии Романовых, либо свержением династии Габсбургов, а возможно, что и обеих династий одновременно...»⁴⁹

¹ *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. I: 1914 год. Начало. М., 2014. С. 5.

² Там же. С. 8.

³ *Ježek M., Trojan P.* Tak nám zabili Ferdinanda. Praha, 2014. P. 7.

⁴ Ibid. P. 8.

⁵ Ibid. P. 112.

⁶ Čas. 1.1.1914. Číslo 1.

⁷ Ibid.

⁸ Sbornik dokumentů k vnitřnímu vyvoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Svazek I. V Praze, 1993. P. 3.

⁹ Čas. 13.7.1914. Číslo 191.

¹⁰ Čas. Zvláštní vydání. 29.6.1914. Číslo 177.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Čas. 7.7.1914. Číslo 185.

¹⁶ České revue. 1914. Číslo 10.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Čas. 7.7.1914. Číslo 185.

¹⁹ *Pernes J.* O trůn a lásku. Dramatický život a tragická smrt Františka Ferdinanda d'Este. Praha, 2007. P. 211.

²⁰ Národní listy. 4.8.1914. Číslo 211.

²¹ *Urban O.* České a slovenské dějiny do roku 1918. Praha, 2000. P. 263.

²² Čas. 30.6.1914. Číslo 178.

²³ Čas. 1.7.1914. Číslo 179.

²⁴ Čas. 2.7.1914. Číslo 180.

²⁵ Čas. 14.7.1914. Číslo 192.

²⁶ České revue. 1914. Číslo 10. S. 579.

²⁷ Čas. 12.7.1914. Číslo 190.

²⁸ Čas. 13.7.1914. Číslo 191.

²⁹ Příloha Času k Číslu 199.

³⁰ Čas. 21.7.1914. Číslo 199.

³¹ Čas. 22.7.1914. Číslo 200.

- ³² Čas. 24.7.1914. Číslo 202.
³³ Ibid.
³⁴ Čas. 25.7.1914. Číslo 203.
³⁵ Ibid.
³⁶ Ibid.
³⁷ Čas. 26.7.1914. Číslo 204.
³⁸ Čas. 28.7.1914. Číslo 209.
³⁹ Příloha Času k Číslu 208.
⁴⁰ Čas. Zvláštní vydání. 29.7.1914.
⁴¹ Čas. 29.7.1914. Číslo 208.
⁴² Sborník dokumentů k vnitřnímu vyvoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918. Svazek I. V Praze, 1993. P. 31.
⁴³ Čas. 30.7.1914. Číslo 210.
⁴⁴ Čas. 31.7.1914. Číslo 212.
⁴⁵ Čas. 2.8.1914. Číslo 215.
⁴⁶ Ibid.
⁴⁷ Čas. 3.8.1914. Číslo 217.
⁴⁸ Národní listy. 4.8.1914. Číslo 211.
⁴⁹ *Pernes J. O trůn a lásku. Dramatický život a tragická smrt Františka Ferdinanda d'Este. Praha, 2007. P. 211.*

УДК 94(437)

Шевченко К. В. Канун Первой мировой войны в чешском общественном мнении и прессе // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 29–43.

АННОТАЦИЯ: В статье на основе чешской периодической печати и опубликованных документов анализируется реакция чешской общественности и прессы на убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги 28 июня 1914 г., а также положение на Балканах и в Европе в целом накануне Первой мировой войны. Чешская пресса подробно информировала о деталях покушения на наследника престола и на его жену и критически отзывалась о балканской политике Вены, считая, что значительную часть вины за трагедию в Сараево несет сама Австро-Венгрия. Чешские журналисты подробно характеризовали личность убитого Франца Фердинанда, отмечая его консерватизм и связь с чешскими землями. Чешская печать осуждала прокатившиеся по Боснии и Герцеговине после 28 июня 1914 г. антисербские погромы, обвиняла австрийскую администрацию Боснии и Герцеговины в неспособности предотвратить покушение и навести порядок в провинции, а также активно участвовала в полемике с австрийской и венгерской прессой, выступая в качестве адвоката Сербии и указывая на голословность обвинений Белграда в организации покушения со стороны Вены и Будапешта. Большое внимание чешская пресса уделяла анализу международного положения после убийства в Сараево, прежде всего положению в Сербии, Боснии и на Балканах, а также политике великих держав. Чешские журналисты вплоть до конца июля 1914 г. выражали надежду на локализацию конфликта между Сербией и Австро-Венгрией, полагая, что есть возможность избежать общеевропейской войны. С ужесточением австрийской цензуры с началом войны, что выразилось в частом появлении белых пятен в чешских газетах, чешская пресса стала избегать критических комментариев и ограничивалась в основном пересказом официальных материалов австрийской прессы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Сербия, Австро-Венгрия, Чешские земли, пресса, эрцгерцог Франц Фердинанд, Первая мировая война.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, заведующий Центром евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета (Минск, Беларусь), shevchenkok@hotmail.com

Shevchenko K. V. Eve of the First World War in Reflection of the Czech Public Opinion and Press

ABSTRACT: This article is based on Czech press publications and published documents. The article explores the reaction of the Czech public and press on murder of Archduke Franz Ferdinand, the heir to the Austro-Hungarian throne, and his spouse on 28 June 1914 in Bosnian Sarajevo. Also, this article analyses situation in the Balkans and in Europe on the eve of the First World War. Czech press informed in detail about the attempt on the heir of Austro-Hungarian throne and his wife and expressed strong criticism about Austrian Balkan policy pointing out that tragedy in Sarajevo to a great degree resulted from Vienna's policy in Bosnia and Herzegovina. Czech journalists paid a great attention to a personality of Archduke Franz Ferdinand stressing his conservatism and connection with Czech lands. Czech newspapers voiced strong criticism about numerous anti-Serbian pogroms in Bosnia and Herzegovina after 28 June 1914 and accused Austrian administration in Bosnia and Herzegovina of being incapable of preventing an attempt on heir to the throne and establishing order in this province. Also, Czech journalists actively argued with Austrian and Hungarian press pointing out that their accusations of Belgrade of being involved in organizing an attempt in Sarajevo are just allegations and mere assertions. Czech press analyzed international situation after attempt in Sarajevo, paying the most attention to the situation in Serbia, Bosnia and to the policy of the great powers. Till the very end of July 1914 Czech journalists repeatedly expressed hope that conflict between Serbia and Austro-Hungary can be localized and European war can be prevented. Since Austrian censorship tightened with the beginning of the war, which was manifested in occasional "white stripes" in Czech newspapers, Czech press started avoiding critical commentaries and limited their activities by publications of the official Austrian materials

KEY WORDS: Serbia, Austro-Hungary, Czech lands, press, Archduke Franz Ferdinand, First World War

AUTHOR: Doctor of History, Head of Center for Eurasian Studies at Russian State Social University (branch in Minsk, Belarus); shevchenkok@hotmail.com

REFERENCES:

- ¹ Airapetov O. R. *Uchastie Rossijskoj imperii v Pervoi mirovoj voine (1914–1917)*, Vol. I: 1914 god. Nachalo (Moscow, 2014).
- ² Ježek M., Trojan P. *Tak nám zabili Ferdinanda* (Praha, 2014).
- ³ *Sborník dokumentů k vnitřnímu vyvoji v českých zemích za 1. světové války 1914–1918* (Praha, 1993).
- ⁴ Pernes J. *O trůn a lásku. Dramatický život a tragická smrt Františka Ferdinanda d'Este* (Praha, 2007).
- ⁵ Urban O. *České a slovenské dějiny do roku 1918* (Praha, 2000).